

Скворцов Дмитрий Иванович

**Дионисий Зобниновский,
архимандрит Троицко-Сергиева
монастыря (ныне лавры)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 004
ББК 92
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицко-Сергиева монастыря (ныне лавры) /
Скворцов Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 454 с.

ISBN 978-5-519-73782-1

Исторические исследования преподавателя Тверской духовной семинарии Дмитрия
Скворцова

ISBN 978-5-519-73782-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В В Е Д Е Н І Е.

Значеніе Діонисія въ гражданской и церковной исторіи русской. — Раздѣленіе изслѣдованія. — Источники.

Въ Троице-Сергіевой лаврѣ на пространствѣ между колокольнею и Троицкимъ соборомъ есть памятникъ, на одной сторонѣ котораго находимъ такую надпись: «три были несчастливые для Россіи времена, и въ оныхъ сія обитель къ сохраненію отечества содѣйствовала и спомоществовала.» И дѣйствительно, въ трудныя годы нашего отечества Сергіева обитель не оставалась безучастной къ бѣдствіямъ его, но существенно помогала. Помощь эта проявлялась или въ матеріальныхъ пособіяхъ отечеству, или въ томъ нравственномъ вліяніи обители, благодаря которому она одушевляла и подвигала русскихъ людей на великія дѣла. Наше смутное время и было такою эпохою, когда нравственное вліяніе лавры явилось одною изъ силъ, послужившихъ къ возстановленію и оживленію расшатанной тогда русской государственности. Достойны, поэтому, вниманія тѣ лица обители, которыя явились въ то время представителями и носителями этой силы. Одно изъ такихъ лицъ, именно архимандритъ обители Діонисій и составитъ предметъ нашего изслѣдованія ¹⁾. Но чтобы вполне понять и оцѣнить значеніе дѣятельности знаменитаго архимандрита въ смутное время, необходимо здѣсь же сказать нѣсколько словъ о самой этой эпохѣ.

¹⁾ Имя Діонисія, какъ ревностнаго дѣятеля на пользу отечества, отмѣчено на упомянутомъ нами памятникѣ рядомъ съ именами архимандрита Іоасафа и келаря Авраамія Палицына.

Смутное время представляет одну из самых печальных страниц нашей истории. Какъ русскому государству, такъ и русской церкви тогда грозила опасность утратить свою самостоятельность; а народные бѣдствія и невзгоды чуть-ли не достигли тогда своего maximum'a. Самозванческая смута произвела замѣчательное потрясеніе русской государственности, благодаря особенно тому, что предшествовавшая политика Московскихъ государей такъ воспитала сословія, что они явились средой, въ которой очень удобно могли развиваться самозванческіе замыслы. Народъ, раздраженный тагостями и ерѣшнымъ состояніемъ противъ высшихъ классовъ, и потому во множествѣ бѣжавшій въ казачество, бояре, раздраженные тѣмъ униженіемъ, которое они переносили въ періодъ развитія самодержавія, служилое сословіе, привыкшее получать помѣстья, и потому готовое пристать ко всякому новому правительству, лишь бы оно раздавало помѣстья воть что представляли тогда сословія московскаго государства. Отсюда понятно, какъ было легко различнымъ пройдохамъ — самозванцамъ набирать себѣ войско и вѣрныхъ слугъ: стоило только однимъ пообѣщать свободу и возможность поживиться на счетъ богатыхъ бояръ, другимъ пообѣщать побольше помѣстій, а третьимъ важные чины, и около нихъ собирались толпы, жаждавшія той или другой выгоды; отсюда же понятно и то, отчего такъ плодились тогда самозванцы ¹⁾. Велико было зло самозванства; но особенно, казалось, русская государственность совсѣмъ готова была распасться съ тѣхъ поръ, какъ второй самозванецъ утвердился въ Тушинѣ. Въ Тушино, гдѣ былъ самозванецъ, руководимый и поддерживаемый поляками, устремились все «раздраженные»; кто за добычей, кто за помѣстьемъ, а кто за чинами. Казакамъ и

¹⁾ Кромѣ всѣхъ известныхъ трехъ самозванцевъ, являлось много другихъ. Такъ въ Астрахани царевичъ Августъ, называвшійся сыномъ Ивана Васильевича; тамъ же явился Лаурентій, называвшійся сыномъ Ивана Ивановича; а въ украинскихъ городахъ являлось восемь самозванцевъ — и все дѣти бездѣтнаго Федора (*Костом. Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ дѣятелей*, выпуск. III стр. 671—672).

холопамъ давалась тамъ полная свобода грабить и истреблять всѣхъ бояръ и служилыхъ людей, которые еще держались Шуйскаго. Служилые же люди шли туда за чинами и помѣстьями. «Всякъ отъ своего чину, говоритъ Палицынъ, выше начаша восходить, раби убо господіе хотяще быти и невольнии къ свободѣ прескачуще» ¹⁾. И это было не единичными или рѣдкими явлениями, а охватило большую часть Московскаго государства: за Шуйскимъ остались только главные торговые пункты — Нижний-Новгородъ и Новгородъ великій, да еще окраины — Смоленскъ и Казань. Нечего говорить о томъ, что изъ Тушина постоянно выходили на грабежъ шайки поляковъ и казаковъ. Недаромъ въ одной изъ грамотъ къ галицкимъ жителямъ отъ 30 ноября 1608 года царь Василій пишетъ: «а нынѣ и сами не вѣдаете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва (т. е. поляки) обманываетъ; а то у нихъ подлинно умышлено, что имъ обманути всѣхъ и прелестя, наша крестьянская вѣра разорить и нашего государства всѣхъ людей побити и въ полонъ поимати» ²⁾.

Однако какъ ни худо было положеніе Московскаго государства во время Тушинскихъ безпорядковъ, но потомъ оно стало еще хуже. Когда самозванецъ стоялъ въ Тушинѣ, то по крайней мѣрѣ въ то время въ самой-то Москвѣ были еще русскій царь и центральное правительство, состоявшее изъ природныхъ русскихъ бояръ. Но скоро и этого не стало. 17 августа 1610 года, какъ знаемъ, Москва присягнула польскому королевичу Владиславу; а послѣ этого въ Москву вошло польское войско и постепенно захватило въ свои руки всю власть, такъ что центральное управленіе перешло въ руки иноземной силы. А между тѣмъ Владиславъ и не думалъ показываться въ Москву; отецъ его Сигизмундъ III счелъ за лучшее самому завладѣть русской землей и потомъ соединить ее съ Польшей. Въ силу этого онъ сталъ дѣйствовать, какъ самодержавный государь Московскаго государства, сталъ раздавать помѣстья, награждать чинами, издавать отъ сво-

¹⁾ *Палицынъ*. Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря стр. 41.

²⁾ Собр. гос. грам. и дог. т. 2, № 165, стр. 341.

его имени указы. Покорныхъ слугъ среди тогдашняго боярства и служилыхъ людей онъ нашелъ не мало: охотниковъ до чиновъ и помѣстій было тогда очень много ¹⁾. Поляки же, обосновавшись въ Москвѣ, стали позволять себѣ всевозможныя насилія надъ московскими жителями, а чтобы не дать возможности этимъ жителямъ защищаться противъ ихъ насилій, поляки запретили имъ ходить съ саблями, ножами, топорами, которые отбирались даже и у плотниковъ. Въ окрестностяхъ и другихъ городахъ и мѣстахъ государства повторялись подобныя же насилія и грабежи. Отправляясь за сборами, назначенными на содержаніе польскаго войска въ Москвѣ, поляки нѣкоторые помѣстья обирали буквально до чиста. Всѣ эти бѣдствія оставили такой слѣдъ въ памяти народа, что онъ, не зная и не читая своихъ лѣтописей, до сихъ поръ говоритъ: «давно-де было литейное раззоренье—Литва находила на Русь и такая была бѣда наслана, что малость людей въ живыхъ осталась, и то отъ того, что Господь на Литву слѣпоту наводилъ» ²⁾.

Вмѣстѣ съ государствомъ страдала и церковь. Еще въ Тучинѣ на глазахъ русскихъ совершалось страшное глумленіе надъ святыней. Стоитъ прочесть нѣсколько строкъ изъ сказанія Авраамія Палицына, чтобы понять, до чего тогда доходило кощунство поляковъ. Палицынъ говоритъ, что поляки и измѣнники, «безстрашно вземлюще святыя иконы мѣстныя и царскія двери, и сія подстилающе подъ скверныя постели..... и нечисты всегда сѣдяще и зернію играюще, и всякими играми бѣсовскими, инныя

¹⁾ Лѣт. о мят. 210, Ник. лѣт. т. 8, стр. 149; Нов. лѣт. стр. 126. Московскаго-жъ государства многіе люди прельстишася,—бояре и всякіе люди посылаху подъ Смоленскъ и сами ѣздяху съ дарами и просили у него (Сигизмунда) чести, помѣстій, вотчинъ и жалованья. Граматы, данныя Сигизмундомъ на помѣстья и чины, см. въ Собр. госуд. гр. и дог. т. 2, №№ 220, 231, 232, 259, 260 и 270. А въ актахъ зап. Россіи т. 4, подъ № 183, помѣщено 808 жалованныхъ и другихъ грамотъ Сигизмунда Московскимъ боярамъ и дворянамъ, на отчины и помѣстья, чины, денежныя и хлѣбныя оклады, дворы и пр., стр. 320—427.

²⁾ Костомаровъ. Исторія смутнаго времени, III, 321.

же святыя иконы колюще, и вариво и печиво строяще: пзъ судовъ же церковныхъ ядаху и шяху, и смѣющеся поставляху мяса на дискосѣхъ, и въ потирѣхъ питіе; инѣмъ же яко наругающеся святыя сосуды переливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую» ¹⁾. Когда же поляки заняли Кремль, то конечно также весьма мало стѣснились близкимъ соседствомъ множества русской святыни, и въ большинствѣ случаевъ относились къ ней также, какъ описано это у Палицына. По справедливому сознанію всѣхъ лучшихъ людей того времени, нашей православной вѣрѣ грозила опасность отъ поляковъ и ихъ тайныхъ руководителей іезуитовъ. Недаромъ патріархъ Гермогенъ горько жаловался тогда, обращая свои слова къ измѣннику Салтыкову: «вижу православной вѣрѣ поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть.» А въ грамотахъ, рассылаемыхъ тогда по городамъ съ призывомъ къ возстанію, постоянно указывалось на опасность, грозившую вѣрѣ и церкви. «Не будете нынѣ въ соединеніи, обще со всею землею, пишутъ напримѣръ Смоленяне, горько будете плакати и рыдати неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ, перемѣнена будетъ вѣра крестьянская въ латинство, и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою и убиенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ крестьянскій» ²⁾. Это же подтверждали и москвичи: «писали къ намъ истинну братья наши (т. е. смоленяне), и нынѣча мы сами видимъ вѣрѣ крестьянской премѣненіе въ латинство и церквамъ Божиимъ разоренье» ³⁾.

Мы дали здѣсь самое краткое и слабое описаніе бѣдствій, нахлынувшихъ на Россію въ смутное время, но и оно дастъ почувствовать, какъ неизмѣримо велики были эти бѣдствія, и слѣдовательно, какъ много внутренней живучести и скрытыхъ могучихъ силъ имѣлъ тогда русскій народъ, если онъ окончательно не былъ подавленъ страшными невзгодами. И дѣйствительно, всѣ

¹⁾ *Авр. Пал.* «Сказаніе объ осадѣ» по изд. 1784 г. стр. 47.

²⁾ Собр. гос. грам. и дог. т. 2, № 226 стр. 494.

³⁾ Собр. гос. грам. и догм. т. 2, № 227 стр. 496.

ликія бѣдствія смутной эпохи, явившись пробнымъ камнемъ русскаго народа, обнаружили въ немъ великую мочь. Понятно отсюда, какъ велико должно быть значеніе тѣхъ людей, которые возбуждали эту силу народа къ дѣйствию, которые нравственнымъ вліяніемъ на народъ заставляли его соединиться и идти на спасеніе своего государства и своей вѣры. А къ такимъ то лицамъ, между другими, справедливо будетъ причислить и Троицкаго архимандрита Діонисія. — Извѣстны намъ изъ этой эпохи три народныя движенія, имѣвшія своею цѣлію очищеніе Московскаго государства. Первое, самостоятельно зародившись въ восточномъ уголку нынѣшней Владимірской губерніи и юго-западномъ Нижегородской ¹⁾, соединилось потомъ съ ополченіями Скопина-Шуйскаго, который вмѣстѣ съ наемнымъ шведскимъ войскомъ успѣшно-было началъ дѣло очищенія государства. Но это движеніе со смертію Скопина, оживлявшаго его, стухло и потеряло силу. Въ немъ нравственное вліяніе и искусство вождя принадлежали одному Скопину, и потому-то онъ оставилъ по себѣ такую свѣтлую память. Нравственное вліяніе во второмъ ополченіи, поднимавшемся на избавленіе Москвы и отечества отъ поляковъ, принадлежало патриарху Гермогену—человѣку несокрушимой силы характера, твердому адеманту и столпу, какъ его называли современники. Авторитетный голосъ патриарха по-всюду находилъ себѣ откликъ. Призывъ его на защиту вѣры и святынь Москвы, какъ нельзя болѣе, пробуждалъ патриотическія чувства народа, для котораго гибель этихъ святынь равнялась гибели всего отечества. Второе народное движеніе охватило чуть-ли не всю Россію: изъ конца въ конецъ ся переметали грамоты Гермогена и Ляпунова, дополняясь по мѣстамъ новыми извѣстіями ²⁾. Но и это ополченіе не достигло своей цѣли: оно, какъ увидимъ, окончилось печально,

¹⁾ Первые извѣстія о возстаніи народа въ указанной мѣстности относятся къ началу декабря 1608 г., когда народныя ополченія вышли уже на борьбу съ Тушинцами (*Кояловичъ*. Рѣчь, произнесенная на актѣ Петерб. академіи 1880 г. стр. 22).

²⁾ Акт. Арх. Эксп. т. 2-й, №№ 170, 176, 178, 179, 182.

хотя конечно обнаружившееся при этомъ настроеніе и возбужденіе не только не угасло, но должно было приобрести еще болѣшую интенсивность. А потому только могло казаться, что послѣ печальнаго результата грандіозной попытки спасти отечество, — не на что уже было надѣяться: Россіи грозила неизбежная гибель. На самомъ же дѣлѣ въ вышеописанномъ движеніи находились уже смена новаго движенія, результатомъ котораго явилось новое ополченіе чисто земскаго характера, и слѣдовательно болѣе самоотверженное, способное пожертвовать личными интересами общественнымъ. «Когда ударили бури смутнаго времени, говорятъ С. М. Соловьевъ, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться» ¹⁾. Въ возбужденіи этого новаго движенія принялъ участіе, между прочимъ, Троицкій монастырь во главѣ съ своимъ архимандритомъ Діонисіемъ. Три силы создали движеніе: религія, сила торговая и сила военная. Если представителемъ силы военной былъ князь Пожарскій, силы торговой — Кузьма Мининъ, то представителемъ религіознаго чувства былъ архимандритъ Діонисій. И такъ, преподобный Діонисій выступаетъ предъ нами среди дѣятелей смутнаго времени; а если, по замѣчанію одного историка, «исторія смутнаго времени требуетъ всесторонней перевѣрки и самыхъ подробныхъ и точныхъ изысканій, такъ что всякое новое слово по этому поводу получаетъ вѣсъ и силу» ²⁾, то понятна не только умѣстность, но и важность всякаго изслѣдованія, посвящаемаго такимъ дѣятелямъ эпохи, о которыхъ еще не имѣется полныхъ монографій. А къ такимъ именно дѣятелямъ и принадлежитъ преподобный Діонисій.

Но указаннымъ участіемъ Діонисія въ событіяхъ смуты, которое и одно дѣлало бы его исторической личностью, далеко не исчерпывается вся историческая дѣятельность его. Только-что

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи 8 т. стр. 448.

²⁾ Русс. Арх. 1872 г. стр. 2436.

улеглась смута, какъ Діонисій снова выступаетъ на поприще дѣятельности, которая, впрочемъ, была уже совершенно иного характера, — именно церковнаго. Мы разумѣемъ исправленіе преподобнымъ Діонисіемъ богослужебныхъ книгъ. Этотъ трудъ увѣнчалъ Діонисія новымъ и лучшимъ вѣнкомъ. Нужно-ли доказывать важность исправленія книгъ въ нашей церковной исторіи; кто не знаетъ значенія этого факта въ нашей церковной жизни. Исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ представляетъ по всей своеобразности явленіе замѣчательное въ исторіи русской церкви. Мы не намѣрены здѣсь вдаваться въ подробное разсужденіе о значеніи этого явленія (объ этомъ уже очень много писано), но намъ только хочется бросить взглядъ на него, такъ сказать, съ особой стороны. Занимаясь исторіей исправленія книгъ, мы наталкиваемся на слѣдующее на первый разъ совсѣмъ непонятное явленіе: съ одной стороны мы видимъ положительно общее сознаніе всѣхъ книжныхъ людей (XVI—XVII в.) неисправности книгъ и стремленіе къ болѣе исправному ихъ изданію, а съ другой какое-то самое чуткое охраненіе всѣхъ книгъ, — и въ такомъ именно видѣ, въ какомъ они въ тотъ или иной моментъ существовали, видимъ совершенно враждебное отношеніе къ серьезнымъ попыткамъ исправить книги. Что же это значитъ, откуда такое явное противорѣчіе? Дѣйствительно, всѣ писцы и издатели богослужебныхъ книгъ въ послѣсловіяхъ или предисловіяхъ большею частію униженно просятъ простить имъ тѣ ошибки, какія они сдѣлали при изданіи книги, затѣмъ просятъ исправлять эти ошибки, потому что онѣ допущены или вслѣдствіе недостатка образованія ихъ (писцевъ), или вслѣдствіе забвенія и недостатка вниманія. Такими мыслями, говоримъ, испещрены всѣ предисловія и послѣловія какъ письменныхъ богослужебныхъ книгъ, такъ и печатныхъ. Не ясно ли, по видимому, отсюда, что сознаніе неудовлетворительности богослужебныхъ книгъ было очень сильно, и однако лишь только правительство приступило въ первый разъ къ болѣе серьезной постановкѣ изданія книгъ, какъ среди тѣхъ же книжниковъ появились ропотъ и неудовольствія. Исправленіе книгъ

Діонисіємъ именно въ этомъ отношеніи особенно характерно, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Мы думаемъ, что это происходило отъ того, что русскіе книжники серьезно-то и убѣжденно никогда не сомнѣвались въ полной истинности и исправности всѣхъ богослужебныхъ книгъ. Они не были настолько свободомыслящими, чтобы дойти до убѣжденія о неисправности тѣхъ священныхъ книгъ, по которымъ постоянно совершали службы Богу. До этого убѣжденія доходили только люди исключительные или по своему положенію, или же по образованію; что же касается той массы писцевъ и издателей, которые въ послѣсловіяхъ и предисловіяхъ книгъ скорбѣли объ ошибкахъ, то они, вѣроятно, никогда не задавались вопросомъ какъ бы исправить книгу: напротивъ они считали высшимъ достоинствомъ писца списывать книгу слово въ слово, не убавляя и не прибавляя, и если привносили что въ книгу, то совершенно произвольно и безсознательно. Просьбы же такихъ писцевъ простить имъ ошибки, исправлять книгу и т. п. были не болѣе, какъ результатомъ древняго умничанья русскихъ книжниковъ, любившихъ выставять на видъ свое смиреніе. Это было ихъ литературнымъ приемомъ, параллельный которому мы находимъ въ нынѣшнихъ часто очень ученыхъ и дѣльных сочиненіяхъ, — когда, напр., авторъ проситъ смисхожденія у читателя, при чемъ присовокупляетъ, что онъ сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать. А съ другой стороны необходимо замѣтить, что эти предисловія и послѣловія переписывались и перепечатывались съ одной книги въ другую съ буквальной точностію не потому, чтобы переписчикъ или издатель раздѣлялъ содержащіяся тамъ мысли, а только потому, что онъ считалъ себя не въ правѣ опустить что-либо изъ прежней книги. Такова была масса переписчиковъ и издателей. И такъ, по нашему мнѣнію, упомянутыя мысли предисловія и послѣловія не служатъ доказательствомъ, что сознаніе неисправности книгъ было обще всѣмъ книжнымъ людямъ. Мы думаемъ, что до этого сознанія доходили только люди исключительные, и что, слѣдовательно, исправленіе книгъ не было удовлетвореніемъ общаго желанія книж-

никовъ; оно предпринималось большею частию по инициативѣ церковнаго или гражданскаго правительства и велось людьми, ставшими выше общаго уровня книжныхъ людей своего времени. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы не найдемъ ничего непонятнаго въ исторіи исправленія книгъ.

И такъ, разъясняя историческое значеніе Троицкаго архимандрита Діонисія, мы находимъ, что оно опредѣляется двумя сторонами его дѣятельности. или, лучше, дѣятельностію его въ двухъ различныхъ сферахъ: дѣятельностію государственною — въ смутное время и дѣятельностію церковною, проявившеюся въ исправленіи книгъ. Какъ въ исторіи стутнаго времени не можетъ быть забытъ Діонисій, такъ и въ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ имя его должно занимать очень видное мѣсто. По двумъ же главнымъ сферамъ дѣятельности Діонисія, естественно, и изслѣдованіе о немъ должно распасться на двѣ части. Въ первой должны быть изложены его государственныя заслуги, а во второй — его церковная дѣятельность. Но какъ всякое изслѣдованіе о личности исторической начинается съ первоначальныхъ біографическихъ свѣдѣній, то свѣдѣнія эти должны войти въ первую часть. Во вторую же часть, кромѣ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ, войдутъ возможно — подробныя свѣдѣнія о Діонисіи, такъ настоятелѣ монастыря, — объ его дѣятельности по монастырю, равно какъ и извѣстія объ его кончинѣ.

О жизни и дѣятельности преподобнаго Діонисія оставили намъ свѣдѣнія три современника его: Симонъ Азарьинъ, Авраамій Палицынъ — оба келари Троицкаго монастыря и ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка. Первый написалъ «житіе и подвиги преподобнаго отца нашего архимандрита Діонисія»; второй оставилъ «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» — сказаніе, въ которомъ находимъ нѣсколько извѣстій о дѣятельности преподобнаго Діонисія въ смутное время. А третій (т. е. Насѣдка) къ житію, составленному Сименомъ, присоединилъ большую записку «о житіи святаго архимандрита Діонисія».